

crime & private

Анна
Данилова

Плюшевый свидетель

Анна Данилова

Плюшевый свидетель

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118755
Плюшевый свидетель. Услуги особого рода: Эксмо; М.; 2004
ISBN 5-699-07714-6*

Аннотация

Вера Боровская ни в чем не виновата! Она готова кричать об этом на всех углах. Однако вот они, улики, подтверждающие обратное, – пистолет в ящике для белья, блокнот с компрометирующими записями, фотография, на которой изображена Вера с убитым психотерапевтом... Но Вера знает, что у нее есть любимый мужчина, который спасет ее и будет любить, даже если она окажется главной подозреваемой планеты. Но пока все против Веры, улики накапливаются – и вскоре становится очевидным, что ее явно подставляют. И сделать это может только кто-то из самых близких людей...

Содержание

Из дневника ***	5
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	33
Из дневника ***	42
Глава 4	46
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Данилова

Плюшевый свидетель

Дорогой свидетель Мирес!

Много счастья, мира и
здоровья! А мне - любви -
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (федос)

Из дневника ***

«Они ее не нашли. Искали баграми, вызывали водолазов. На это ушло несколько дней, и все безрезультатно. Она погибла. Ее унесло течением, и теперь мне каждую ночь снятся кошмары. Я вижу, как она поднимается из воды, опутанная зелеными водорослями, и улыбается мне синими губами. А из глазниц торчат клешни раков. Но я знаю, что это она, потому что у нее длинные волосы и клетчатое платье. Это я сшила ей это платье, когда она собралась выходить замуж. Я так ей и сказала: теперь у тебя будет мужчина, а это значит, что тебе надо всегда хорошо выглядеть. Я объяснила ей, что ей очень идет розовая помада, именно розовая, а не красная. Потому что красная – это для вечера, иначе будет смотреться вульгарно. Но теперь-то ей все равно, каким цветом красить губы, потому что нет ни губ, ни прекрасных волос, ничего... Разве что на самом дне реки догнивают клочья ее клетчатого платья, сшитого моими руками. Что я испытывала, когда шила его? Зависть? Нет. Скорее меня мучили сомнения, будет ли она счастлива в этом браке? И на самом ли деле любит она этого мужчину или ей просто хочется что-то изменить в своей жизни и выйти замуж? Возможно, ей надоело жить со мной. Ведь я – ее старшая сестра. Она выходит замуж, говорила я себе, значит, она уходит к мужу, она бросает меня, и мне теперь

придется учиться жить одной. Вот о чем я думала, когда шила клетчатое платье. Я представляла себе, как она надевает его утром под жадным мужским взглядом, и плакала оттого, что теперь кто-то другой будет владеть ею безраздельно, как до этого времени владела я. Ведь она была моей младшей сестричкой, и я ее очень любила. И люблю до сих пор. Она взбалмошная, много хохочет, веселая, жизнерадостная, и у нее румянец во всю щеку. Она не понимает, говорю я себе, что замужество не всегда равносильно счастью. Но ей уже пора испытать на себе мужскую ласку, ей уже восемнадцать лет, и ей хочется любви. Вот и испытала. Ночь любви на острове и холодные объятия черной речной воды. Ее нет. Ее так и не нашли. Но я знаю, что ее скоро найдут. Рано или поздно ее вынесет течением».

Глава 1

По другую сторону стены

– Меня зовут Вера. Я думаю, можно пока без фамилии... Меня к вам прислала Августа. Как вы понимаете, мне немного не по себе, потому что мы с вами совершенно незнакомы. Но, с другой стороны, при других обстоятельствах я никогда бы не стала рассказывать вам о себе. Я вот сейчас говорю с вами, но не уверена, что уже через минуту не встану и не уйду... Вот так-то вот. Однако вы специалист, другими словами, доктор, поэтому я просто вынуждена ради себя же самой раздеться перед вами. Раздеться душой, разумеется...

Разговор происходил в городском парке в солнечный апрельский день. Вера Боровская пришла сюда на встречу с психотерапевтом, и только она одна знала, скольких усилий ей это стоило и какая внутренняя борьба происходила в ее душе, когда она собиралась на эту встречу. Но лицо доктора Нагаева понравилось ей сразу. Быть может, поэтому она, присев рядом с ним на скамейку, сразу же приступила к делу и решила без предварительных дежурных фраз изложить ему всю свою боль. В бумажнике, который покоился на самом дне ее старой, но все еще отлично сохранившейся черной кожаной сумочки, лежали первые двести рублей, кото-

рые она отдаст этому «магу Нагаеву», как любила называть его Августа.

Августа считалась хорошей приятельницей (*Она мне не подруга, нет, но слово «приятельница» звучит как-то холодновато, отчужденно; мне жаль ее*) Веры и на протяжении многих лет следила за развивающимися отношениями между супругами Боровскими. Пока в семье не разразилась драма, суть которой заключалась в том, что муж Веры, Илья Боровский, привел в дом другую женщину, и вот уже которую неделю жил с ней вместе, совершенно игнорируя присутствие в квартире законной жены.

Солнечный блик упал на черную прядь волос на голове доктора Нагаева, а в воздухе произошло какое-то движение. «*Это ветер, – подумала Вера, – это ветер... Что-то холодно стало. Спина мерзнет. И душа. Зачем я сюда вообще пришла?*» Деревья с распускающимися почками стали расплываться перед глазами в какой-то зеленоватой дымке: Вера плакала. От бессилья и от самой ситуации, унижительной до предела, как ей казалось. Она пришла к доктору, чтобы пожаловаться ему на мужа, который привел в дом другую женщину. Пошлее сюжета не придумаешь.

Но, на ее счастье, Ренат Атаевич оказался не таким эмоциональным, а потому в ответ на ее слова лишь медленно повернул голову в ее сторону и внимательно посмотрел ей в

глаза. Вере показалось, что он пытается прочесть ее истинные мысли, и от этого ей стало еще хуже. *Может, он хочет загипнотизировать меня?*

– Я вижу, вам плохо, – услышала она приятный низкий баритон. – Так что же конкретно с вами случилось?

– У меня был муж. Я говорю «был», потому что мужчина, который сейчас живет со мной в одной квартире, уже больше не является мне мужем. Хотя официально он, конечно, мой муж, Илья... Вы извините, что я повторяюсь. Я сильно нервничаю. Он однажды сказал мне: «Вера, ты стала другой, я не узнаю тебя. Где та женщина, которую я так любил?» Я ответила ему, что я не изменилась, что изменился мир вокруг меня. Люди стали злее, они ненавидят меня, не хотят меня...

– В каком смысле? – перебил ее доктор Нагаев.

– Я потеряла работу... – и Вера беспомощно принялась теревить край своей шелковой косынки. – А когда денег нет, чувствуешь себя скверно. Мы перешли на макароны, я поправилась... Я понимаю, что это не оправдание, но, наверное, мой муж прав, а я веду себя по-идиотски... Вы извините меня, мне надо идти...

И Вера вдруг резко, импульсивно рванулась со своего места. Но твердая мужская рука успела схватить ее руку и прижать к сухому и теплому дереву скамейки. Ей показалось, что она за то время, что сидит здесь, рядом с этим всезнающим и самодостаточным человеком (каковыми в ее глазах

были все психотерапевты), расплылась еще больше и что волосы ее растрепались от ветра и стоят дыбом, что тушь размазалась вокруг глаз и помада побледнела, да и вся она сейчас походит на старуху.

– Как вас зовут? – спросил доктор Нагаев.

– Вера, – устало проговорила она и закрыла глаза, не в силах вынести яркого солнца и такого же яркого, сильного и испепеляющего взгляда. – Это было ошибкой.

– Что именно?

– То, что я пришла сюда. И замужество тоже было ошибкой.

– Вера, хотите кофе?

Она удивилась. Но потом сочла это предложение как нельзя более кстати. Здесь, в парке, под слепящим весенним солнцем, она казалась себе очень уязвимой. Тут на нее смотрели деревья, раскинувшийся у ног пруд с утками, галдящие и словно только что проснувшиеся от зимней спячки громкоголосые дети со своими нянями и мамашами, скучающий фотограф, сидящий на скамейке в обнимку с огромным розовым плюшевым слоном, зеленые старые беседки, облака, наконец. И ей казалось, что все они уже посвящены в ее трагедию. А в кафе, непременно полутемном и тихом, в ее глаза заглянет, в лучшем случае, лишь маленькая чашка с кофе. Не считая испытующего и умного (быть может, еще и сочувствующего) взгляда доктора Нагаева.

Я схожу с ума. Что такое лезет мне в голову?

Она покорно последовала за доктором, моля бога лишь об одном – чтобы это кафе оказалось совсем близко от парка. Она была не в силах долго идти. Ноги подкашивались, да и тело не слушалось ее, словно было чужое.

...Тот день она всегда будет помнить смутно. Весенний воздух, сладковатый и пьянящий на вкус, замешанный на аромате пробуждающихся деревьев, ворвался в распахнутое окно тихой квартиры, куда привел ее доктор Нагаев, и закружил ей голову. Она так и не вспомнит, какой они пили кофе: растворимый или нет, с нежным запахом ирландского ликера или это была просто крепкая и душистая «арабика». Доктор Нагаев помог ей освободиться от длинного, чрезмерно шуршащего плаща, поиграл, помахав, переливающейся на солнце шелковой зеленовато-голубой косынкой и нагнулся, чтобы снять с нее запыленные коричневые туфли. Вера двигалась, словно кто-то управлял ею. *Гипноз*, вдруг неожиданно весело решила она. Все, что происходило с ней, казалось фрагментами какого-то очень далекого, туманящегося в памяти сна.

– Вам с сахаром или без?

– С сахаром, – отвечала она, ступая ногами в чулках по желтому блестящему паркету, на котором не было ни пылинки. – Кто же это кофе пьет без сахара?

Она нервно рассмеялась.

– У меня есть печенье. Ореховое.

Но вкуса орехового печенья она тоже не успела распробовать. Ее губы ощутили мягкое и горячее прикосновение чужих, неизведанных ею губ – Нагаев целовал ее. Долго и страстно, прижав к стене в гостиной. Под его жадными и ласковыми, бесстыдными и решительными руками ее тело уже не казалось ей таким большим, как еще час тому назад. А когда она открыла глаза, то поняла, что уже не принадлежит себе. Ворох ее одежды темным пятном маячил на ковре в спальне. Кровать неистово скрипела под их телами. Вера постанывала, а потом закричала и с силой вцепилась в простыню, как если бы это могло помочь ей освободиться от переливающейся через край энергии, переливающегося через край счастья.

Она выскочила из квартиры доктора Нагаева, застегиваясь на ходу. Теперь она отлично ощущала свое тело, ставшее необычайно легким и воздушным. Плащ казался невесомым, косынка бирюзовой бабочкой трепетала на груди. Вера почти бежала по улице, вдыхая полной грудью посвежевший к вечеру воздух, и пришла в себя только в своем дворе, где села на скамейку, чтобы отдышаться. В голове ее не было ни единой мысли. А вот тело, словно вырвавшись на свободу, казалось обнаженным, открытым постороннему взгляду. Она вновь почувствовала себя той Верой, которой была несколько лет тому назад, которой так восхищался тогда ее Илья.

Она не хотела реально оценивать то, что произошло сейчас с ней в квартире доктора. Она наслаждалась полным покоем, удовлетворением и даже любовью. Он любил ее, этот удивительный доктор. Пусть всего лишь один час, но это были незабываемые мгновения. Ей было так хорошо, что она на какое-то время забыла, что сидит во дворе собственного дома, где рядом, буквально в нескольких метрах от нее, в ее собственной кухне, возможно, варит суп молоденькая сучка по имени Марина. Любовница Ильи.

Шли минуты, миновал час, а Вера, оглушенная, все еще продолжала пребывать в том блаженном оцепенении, в которое ее погрузил доктор Нагаев. Когда же наконец стемнело, она почувствовала, что замерзает. И вот тут реальность поглотила ее с головой. Как ледяная, выстуженная пасмурным днем морская волна. Вера медленно подняла голову, чтобы увидеть окна своей квартиры, и сердце ее при этом сжалось: все три окна светились. Значит, *эти двое* уже дома. Возможно, они даже прошли мимо, не заметив ее, сидящую на скамейке. Вера обняла себя за плечи и съежилась от безысходности. Она не знала, куда ей идти и как ей вообще дальше жить. Что ей делать там, в том доме, где уже семь дней пахнет чужими духами и чужим супом? Чужим мужчиной, наконец?

Она устала анализировать свою жизнь, чтобы ответить себе на вопрос: как могло такое случиться, что ее муж Илья, человек серьезный, цельный и, как ей всегда казалось, любя-

щий ее, вдруг объявил ей о том, что начинает новую жизнь с новой для него женщиной? Больше того, он привел эту женщину прямо домой и поселил ее в своем кабинете, быстро, буквально за несколько часов, переустроив его в супружескую (уже вторую) спальню.

Марине было двадцать два года. Высокая стройная брюнетка с безразличным спокойным лицом, молчаливыми, скрывающими множество тайн, черными глазами и некрасивым, похожим на рваную рану ртом. Тонкие губы ее всегда блестели, словно она всякий раз перед тем, как выйти из комнаты, смазывала их маслом. Марина носила тонкие облегающие платья, легкие замшевые туфли и крутила на голове тюрбаны. Она мыла посуду, безжалостно опуская в мыльную горячую воду пальцы, унизанные кольцами, и всякий раз оставляла в ванной на полочке, помимо расчески и пластиковой розовой сумки с косметикой, целый ворох драгоценностей: цепочку с большим, усыпанным камнями золотым крестом, серьги с бриллиантами... И Вера понимала, что Марина бросается этими драгоценностями вовсе не для того, чтобы досадить живущей рядом сопернице-жене, а просто потому, что ей безразличны эти золотые безделицы. Она не знает цены им и живет в каком-то своем материальном измерении. На это указывало огромное количество мелочей, деталей, которыми постепенно обрастала их совместная, дикая по своей природе, жизнь.

Вера не знала, откуда взялась Марина. Понятия не име-

ла, где Илья мог найти эту холеную и красивую девушку, согласившуюся жить с ним по соседству с родной, законной женой. Но между ними существовало что-то, что не давало им возможности даже оглянуться и посмотреть на происходящее здоровым, не затуманенным страстью взглядом. Они словно не замечали Веру, хотя вели себя с ней подчеркнуто вежливо, как только что въехавшие и довольно-таки воспитанные соседи. Казалось, Илья не сохранил в памяти ничего из их многолетнего брака, что могло бы вызвать в нем хотя бы сострадание к своей жене. Вера не хотела верить, что он разлюбил ее исключительно из-за того, что она перестала следить за собой и располнела. *«Так не бывает, – считала она, разглядывая себя каждый вечер в зеркало, – чтобы мужчина за короткий срок так переменился. Его приворожили, ему дали выпить любовного напитка. Но вот только зачем он ей, этой Марине, когда у него нет денег?!»*

Она была твердо уверена, что молодые девушки требовательны к партнерам в отношении денег. Это было аксиомой, которую не надо было доказывать. А тут вдруг на ее глазах происходило обратное: Марина, напевая, варила суп из рыбных консервов, жарила картошку и вдохновенно разделявала недорогую норвежскую селедку.

Любовь? Вера не любила это резиновое, гуттаперчевое и затасканное слово, готовое в угоду человеку принять любую форму. Ей нравилось слово *страсть*, но она никогда не проносила его вслух, как если бы это было страшное закля-

тие, способное одним своим звучанием разрушить привычный уклад жизни и внести в него хаос. Но, вероятно, с Ильей и случилась как раз эта беда, раз он, потеряв всякий стыд и способность здраво мыслить, привел в дом другую женщину. Как иначе объяснить этот незатухающий блеск в глазах, это хроническое желание как-то отделиться, обособиться и спрятаться в комнате с Мариной, запершись на ключ?

Вере пришлось перейти в гостиную, чтобы не спать по соседству со спальней любовников и не слышать доносящиеся оттуда звуки и смех. Когда к ней, как раз на третий день ада, пришла ничего не подозревающая Августа, Вера даже не знала, как объяснить ей, в каком положении она оказалась и каким удосужилась обзавестись статусом, настолько случившееся было нелепым, нелогичным и, главное, бесчеловечным, жестоким, наконец!

– Что-то ты, мать, бледная. Отравилась, что ли? – спросила Августа, размешивая сахар в кофе и глядя куда-то мимо лица Веры, в пространство. – Неважно выглядишь.

– Августа, посмотри мне в глаза. Вот так. А теперь слушай. Мой муж, Илья, влюбился в другую женщину. Ее зовут Марина. Он привел ее сюда, и теперь они живут в его кабинете.

Августа чуть не захлебнулась кофе. Далее последовал шквал вопросов, на которые Вера едва успевала отвечать. Понятное дело, Августа была потрясена новостью и на чем свет стоит проклинала Илью. Она называла его «сумасшед-

шим», «эгоистом», «сладострастником», «наглецом» и прочими, вполне соответствующими ситуации, определениями. И тогда Вера решила пойти от обратного и попытаться добиться от приятельницы правды относительно своего внешнего вида. Она, искренняя в своих намерениях услышать эту самую правду, поднялась со своего места и даже покружилась перед Августой, демонстрируя раздавшуюся талию, пышные бедра и увеличившуюся буквально за полтора года грудь.

– Ну, что скажешь?

– Пухлая и очень аппетитная на вид молодая женщина...

– ...со следами былой красоты, ты забыла добавить, – закончила за нее Вера. – Илья мне так и сказал. Я думаю, что он презирает меня за то, что я не нашла в себе силы сохранить фигуру, что не занималась собой. Но ведь ты же знаешь, Августа, как подкосило меня мое увольнение!

– Ты не должна так говорить, – осторожно вставила Августа и сдунула со лба рыжий завиток. Это была высокая сухопарая женщина с острым носом и темными пронизательными глазами. Энергичная, холерического склада, она, казалось, постоянно искала выхода своей энергии, но ничего лучше, чем заводить постоянно какие-нибудь интрижки, так и не придумала. Она меняла своих сексуальных партнеров так же часто, как и место работы. Августа была разносторонне развитым человеком, а потому умела применить свои способности к дюжине профессий, начиная от распростра-

нителя билетов местной филармонии и драмтеатра до директора трикотажной фабрики. И, надо сказать, все, чем бы она ни занималась, у нее получалось. Единственно, чего она не умела делать, это брать и давать взятки. Особый талант у нее был в области человеческих отношений, касающихся, в частности, своего непосредственного женского окружения: она любила давать советы. И, как правило, направив человека по тому или другому пути, всегда старалась проследить за «лабораторным кроликом», чтобы удостовериться, что совет оказался действенным и после него сложная ситуация благополучно разрешилась. Вероятно, в ее памяти отложилось великое множество примеров тому, как следует действовать в тех или иных житейских ситуациях. Но, несмотря на это, личная жизнь Августы по-прежнему не клеилась, а по части работы ей то и дело приходилось подыскивать себе новое место. Понятное дело, что причиной ее неудач был характер. Взрывной, импульсивный. И, безусловно, большей частью ей не везло из-за ее бескомпромиссности. Она была, что называется, негибкой и любила говорить правду в глаза. Вот и тогда, осмотрев критическим взглядом фигуру Веры Боровской, Августа покачала головой и вынесла свой вердикт:

– Ты права. Прежде твоя фигура вызывала у мужчин желание, а сейчас, я думаю, нет. А поскольку секс у мужчин занимает двести процентов всей жизни, то суди сама, что еще оставалось делать твоему Илье...

Вера подумала, что и Августа жестока по отношению к

ней и что, окажись она сама в подобной ситуации, то навряд ли спокойно перенесла и приняла бы от подруги произнесенную вслух правду о своей внешности. Но слова были произнесены, и этот факт сделал Веру в собственных глазах еще безобразнее. Она и вовсе раскисла. Зато Августа почувствовала себя превосходно, почуяв, как хищница, очередную жертву, по ее мнению, остро нуждающуюся в ее гениальных советах. Вера понимала, что всякая женщина, примерив на себя чужую беду, не может не испытывать приятное чувство душевного, а может, и физического комфорта от сознания того, что это не она попала в сложную ситуацию. В таких случаях даже самая черствая особа хотя бы на время превращается в доброго ангела, способного на любую жертву. Августа сразу же предложила Вере денег, большую скидку на косметику, распространением и продажей которой она на тот момент занималась, попыталась всучить ей по дешевке свои старые, «почти что новые», австрийские туфли и даже подарила ей тут же, словно заранее знала о разразившейся в семье драме, роскошно изданный том Зигмунда Фрейда.

– Вот, это как раз то, что тебе нужно. Почитаешь, подумаешь, может, что и придумаешь. Но я бы все-таки посоветовала тебе заняться собой. Только ты можешь сейчас себе помочь. Во-первых, абстрагируйся. Забудь, что за стеной в постели лежит твой муж и обнимает другую женщину. Если ты постоянно будешь думать об этом, то свихнешься. Думай, повторяю, о себе. Питайся кашками, пей минеральную

водичку, делай упражнения и постоянно взвешивайся. Весы я тебе, так и быть, принесу. На время. Когда почувствуешь, что начинаешь сбрасывать лишние килограммы, пересмотри свой гардероб. Ушей платья. Обязательно сходи в парикмахерскую и постарайся изменить свой имидж...

– Августа, уж не предлагаешь ли ты мне постричь волосы? – в ужасе воскликнула Вера, представляя себе, как острые, сверкающие ледяным металлическим блеском ножницы режут ее прекрасные золотые волосы. – Я посижу, конечно, на кефире, на кашках, но стрижку делать не буду, и размалевывать лицо тоже. Это не выход. Другое дело – фигура. Здесь я с тобой целиком и полностью согласна...

Но, произнеся это, она вдруг зашлась в плаче. Даже зажмурив глаза, она не переставала видеть перед собой красавицу Марину с длинными стройными ногами, способными свести с ума не одного мужчину. Августа, испугавшись такой бурной реакции, заставила Веру принять успокоительное и поспешно ушла, как уходит с места преступления нечаянный убийца. И на Веру с новой силой навалились все ее несчастья. И сколько бы она ни старалась «абстрагироваться» и не думать о том, чем за стеной сейчас занимается ее муж с любовницей, она *видела, слышала и чувствовала все*. И сердце ее разрывалось от боли. Три дня после ухода Августы она почти ничего не ела. Лежала в комнате на диване и смотрела в потолок, пока не почувствовала, что умирает. Илья несколько раз стучал в ее дверь, пытался что-то спросить, но

от одного звука его голоса ей становилось невыносимо, и она начинала тихонько поскуливать, как брошенный хозяевами и серьезно заболевший щенок. А временами ей даже начало казаться, что она превращается в животное. Она забыла уже, когда расчесывала волосы, когда смотрелась на себя в зеркало. Она поймала себя на том, что вот уже несколько дней только и делает, что прислушивается к жизни, бьющей, хлещущей через край по другую сторону стены. Она своим слухом «видела» Марину, легкой, летящей походкойдвигающуюся по квартире, ту невообразимо вкусную еду, что она готовила для ее, Вериного, законного мужа. Она «видела» смятую постель, быстро остывающую от разгоряченных, заряженных страстью любовников. И от этих слуховых видений ей хотелось громко выть, зарывшись с головой под одеяло.

Иногда, когда *они* уходили и в доме становилось спокойно и тихо, Вера пыталась вспомнить, какой ее видел Илья в те дни, когда она переживала свое увольнение. Скучная и неинтересная работа в одной из неперспективных коммерческих фирм приносила ей одно лишь беспокойство и немного денег. Поэтому, по мнению Ильи, она должна была вообще благодарить судьбу за то, что та распорядилась таким вот образом, освободив Веру от работы. Но, вероятно, момент увольнения совпал с общим состоянием Веры, с ее внутренним кризисом, о котором она долгие годы не хотела ни думать, ни пытаться что-либо изменить в своей жизни. Она

вдруг отчетливо поняла, что уже давно не любит Илью. Он, молодой, красивый и сильный мужчина, не возбуждал в ней тех чувств, которые она себе, оказывается, выдумала и играла ими в первые месяцы замужества, как с красивыми разноцветными воздушными шарами. Шары лопнули, игра закончилась. Осталась супружеская пара, связанная общим бытом, постелью и заботами. Все. Она разочаровалась не только в муже, но и в мужчинах в целом. Наблюдая за ними и часто выслушивая от знакомых, зрелых женщин, то, что они думают о своих мужьях или любовниках, Вера постепенно пришла к выводу, что мужчины все очень похожи между собой. Что это на редкость эгоистичные и тупые существа, обуреваемые непомерными амбициями, для которых переспать с женщиной – скорее все же психологический акт, нежели физический (хотя московские феминистки с экранов телевизоров с пеной у рта доказывали как раз обратное). Переспать – значит уложить, подмять под себя и унижить. И чем больше будет опущенных голов и растерзанных тел, тем сильнее будет ощущать себя мужчина. И Вера перестала уступать просьбам мужа в близости. Ей даже не требовалось находить причины. Зная физиологический график своего мужа, те минуты и часы, когда он более всего силен и жаждет физической любви, Вера делала все возможное, чтобы в это время либо не быть дома вообще, либо как можно скорее покинуть постель и заняться чем-нибудь таким, что очень скоро остудит пыл Ильи. То она появлялась перед ним с по-

ловой тряпкой в руках и начинала его отчитывать за то, что он снова не помыл ботинки и наследил в передней. Или возникала рядом с ним с жуткой и дурно пахнущей маской на лице. Бывало и такое, что Вера пыталась сама унижить его, заталкивая в ванную и давая ему тем самым понять, что он недостаточно свеж и чист для того, чтобы прикасаться к ней. Все это она делала намеренно, и ей было стыдно признаться себе в том, что, видя результаты своих усилий, она испытывала чувство удовлетворения. Это было нехорошее, мстительное чувство, не имеющее под собой сколько-нибудь серьезного основания. Поэтому чему же тут удивляться? Илья не выдержал и завел себе любовницу. Будь у него много денег, он поступил бы более благородно: купил бы новую квартиру, где и поселился бы с Мариной, а нынешнюю квартиру оставил бы Вере. Но поскольку денег не было, он привел свою подружку прямо в дом. *Вот свинья. Как же он мог?*

Понятное дело, ни Августа, ни кто другой не знали истинного мотива поведения Ильи, поэтому Вера в глазах знакомых выглядела просто как брошенная и униженная жена. И так случилось, что уже очень скоро она и сама начала в это верить и жалеть самое себя.

Однажды, когда никого не было дома, она все же выползла из комнаты и задержалась возле зеркала. И тут же услышала душераздирающий крик. Свой собственный крик. Она увидела в зеркале не Веру Боровскую, а незнакомую ей, оплывшую и опухшую от слез женщину, маленькую и несчастную,

по сути, без признаков жизни. И вот тогда первым человеком, которому она позвонила, снова оказалась Августа. Некрасивая и тоже несчастная Августа. Жестокая и вместе с тем какая-то смешная Августа.

Она приехала через час. Привезла продуктов и крем для лица. Заставила Веру принять ванну, после чего одела ее и как куклу усадила на кровать. Принесла поесть.

– Ты умрешь, глупая, – говорила она, кормя ее чуть ли не с ложечки. – Разве кто-нибудь стоит того, чтобы ты ради него умерла? Не сходи с ума. Если ты не возражаешь, я познакомлю тебя с одним хорошим психотерапевтом. Он, собака, много дерет с клиентов, но с тебя возьмет по минимуму: двести рублей за беседу. Не отказывайся. Нагаев – твоя последняя надежда. Уж он-то вправит тебе мозги. Нет, вы только взгляните на нее... Да разве ж так можно?

Вера плотно поела, и ее неудержимо потянуло в сон. Уже во сне она видела и слышала Августу: «...в кабинете люди не так раскрываются, как, скажем, на нейтральной территории... ты увидишь его и поймешь, что этот как раз то, что тебе нужно... у него богатый опыт, а какая клиентура!.. Ты, главное, веди себя естественно и не старайся от него ничего скрыть... несколько сеансов – и ты излечишься от своей любви...»

Любовь? Наивная Августа уверена, что я люблю его. Это не любовь болит, а чувство собственного достоинства. И

если бы Илья ушел от меня и я не видела бы его новой жизни, разве бы я так страдала? Глупая Августа...

Но к доктору Нагаеву она все же пошла. Встреча была назначена в городском парке, на скамейке возле маленького питьевого фонтана. Вера собиралась на встречу как на свидание: сделала маникюр, прическу, приделалась.

И доктор Нагаев изнасиловал меня. Как в кино.

Вера всхлипнула, но слез не получилось. Их не было, как не было и многих других чувств, к которым она уже успела привыкнуть: боль в сердце, боль в душе, боль в затылке. Ей было на редкость хорошо.

Она вошла в подъезд и уже более уверенной походкой поднялась к себе на этаж. Открыла дверь своим ключом. В квартире пахло вареной фасолью. *У них, бедолаг, похоже, денег нет вообще.* Вера прошмыгнула к себе в комнату, сняла плащ и, осторожно, на цыпочках, выйдя из комнаты, проскользнула в ванную. Ей надо было срочно смыть с себя запах мужчины, который, как ей казалось, преследовал ее все то время, что прошло с момента встречи с доктором Нагаевым. Она налила в ванну горячей воды и плеснула туда ландышевого масла. Легла и закрыла глаза. *Глупая Августа.*

– Вера? – вдруг услышала она стук в дверь и последовавший за ним голос Ильи. – Ты как? В порядке?

– Спасибо, Илья, со мной все в порядке. Вены не вскрыла, петлю не намылила...

– Вера!

– Оставь меня в покое и не смей стучать в ванную, пока я здесь. Я же не стучу в вашу спальню, не спрашиваю, как вы там. У меня все хорошо. Даже очень...

Она закрыла глаза и снова увидела мужчину, раскачивающегося над ней. Сердце ее учащенно забилось. Она посмотрела на дверь и вдруг представила себе, что вот сейчас она распахнется, и она увидит его, Нагаева... Ее ладонь плавно опустилась на живот, и Вера застонала. *Все в прошлом. Это надо забыть. Как сон.*

Глава 2

Ночь

Александр Васильевич Мещанинов лег спать, не поужинав. Вытянулся на своей постели и закрыл глаза. Он хотел раствориться в воспоминаниях, связанных с теми незабываемыми минутами, которые он провел с женщиной. Но его блаженно-сонное состояние было прервано телефонным звонком. Он уже устал от них. Он ненавидел эти телефонные звонки – предвестники драматических, а то и трагических событий в жизни людей, которых ему приходилось защищать. Мещанинов был адвокатом. Опытным, но так и не привыкшим к чужой беде. Звонок, раздавшийся в его квартире или замурлыкавший в кармане, – это очередной рассказ о конфликте между человеком и его окружением, сколь бы близким оно ни было. Муж и жена, брат и сестра, отец и сын, внук и дед. Все делят имущество, мечтают о наследстве и в экстремальных ситуациях выказывают все свои самые низменные качества. Человечество не изменилось со времен Достоевского. Разве что в худшую сторону. А еще люди убивают друг друга. По разным причинам. Иногда не по своей воле: автокатастрофа, например. Или прошлой зимой был случай: машина, набитая подвыпившими людьми, ушла под лед... Страшная история, закончившаяся погребальным

звоном в одной маленькой волжской церквушке. Трупов было семь. А вот водитель остался жив. Но жив ли?..

Александр взял трубку и услышал голос одного из своих многочисленных приятелей. На сей раз тому требовалась срочная консультация по разводу. Он хотел переоформить акции Газпрома задним числом, как если бы он приобрел их до брака, чтобы не делиться со своей женой, от которой он уходит к молоденькой любовнице. Пошлейшая история. Александр потратил сорок минут на тяжелый и выматывающий разговор и в результате остался один на один с замолкнувшей телефонной трубкой и мерцающей за окнами ночью. Снова лег, закрыл глаза и представил себе прогретую солнцем скамейку городского парка и подсевшую к нему женщину. С первых же секунд ему стало ясно, что она ошиблась, приняв его за другого человека. Возможно, психолога или психотерапевта. Хотя поначалу он подумал, что к нему обращается одна из его потенциальных клиенток за советом по поводу развода. Обычно женщины не любят раскрываться, рассказывая о причине развода. Это унижительно. Все равно как трясти нижним бельем перед носом постороннего человека. *«Меня зовут Вера. Я думаю, можно пока без фамилии... Меня к вам прислала Августа. Как вы понимаете, мне немного не по себе, потому что мы с вами совершенно незнакомы...»* Редкое женское имя Августа не произвело, однако, на него никакого впечатления. Но когда прозвучало слово «доктор» (*«Однако вы специалист, другими словами,*

доктор, поэтому я просто вынуждена ради себя же самой раздеться перед вами. Раздеться душой, разумеется...»), то сразу все встало на свои места. Она обозналась, промелькнуло в голове, но ему не захотелось прерывать эту женщину. Уж больно горячо и взволнованно она говорила. Обрывать этот искренний монолог он просто не посмел, а потому весь обратился в слух, пытаясь представить себе мужа этой красивой молодой женщины, а потом и начальника, указывающего (как в немом кино) рукой на дверь. Причем муж у Александра получился толстый и с голубыми подтяжками, почему-то, а вот начальник, уволивший Веру (какое нежное и домашнее имя!)— черно-белый, вылитый Макс Линдер. И кто знает, сколько еще она успела бы о себе рассказать, как вдруг явно передумала и вскочила со скамейки, передумала делиться своими проблемами с кем бы то ни было. Она побледнела, и Александр решил, что ей стало плохо. Кажется, он спросил ее об этом. А потом предложил выпить кофе. Интересно, что она тогда подумала? Но теперь уже бесполезно вспоминать то, что предшествовало их близости. Вера сидела к нему вполоборота, и ее профиль был так нежен, а плавная линия подбородка, спускавшаяся к шее, так притягательна, что ему захотелось провести пальцем по ее коже. Он даже представил себе ее шелковистость. Солнечный луч зажег прядь золотистых волос, и Александр понял, что у нее темно-карие глаза, и ему захотелось заглянуть в них. Вера была необычайно женственна, и от нее исходила такая

сексуальная энергетика, что он возбудился, даже не прикасаясь к ней. Предлагая ей кофе, он предложил себя. Всего. Целиком. Он хотел ее так, как не хотел никого и никогда. Но она была случайной прохожей, и овладеть ею прямо там, в парке на скамейке, было невозможно. Много чего в жизни Александра казалось ему невозможным. И хотя остальные жили по другим законам, и многие из тех запретов, которые он для себя вывел, нарушались легко и безболезненно, перешагнуть определенную психологическую грань для Александра было равносильно преступлению через Закон. Свой, личный внутренний Закон.

Когда же Вера согласилась выпить с ним кофе, он усмехнулся про себя. Безусловно, ни о чем *таком* Вера и не думала. Она, вероятнее всего, предполагала, что ее приглашают в более укромное место, где бы они (*она и ее доктор, лица которого она не знала, иначе не подошла бы ко мне*) могли продолжить беседу. Не более. Но ведь что-то же с ней произошло по дороге, раз она покорно проследовала за ним вплоть до самой его квартиры. Она вошла и отдалась ему легко, словно именно для этого они и встретились. У нее были нежные сладковатые губы, мягкое и податливое, теплое тело. Она была настоящей женщиной, эта Вера. И отдалась ему самозабвенно, страстно, как если бы они были любовниками, встретившимися после долгой разлуки. Все в этой женщине показалось ему знакомым и родным, хотя в его жизни никогда еще не было такой зрелой женщины. Его девушки, с

которыми он вступал в связь, были, как правило, возрастом чуть за двадцать, и он платил им за любовь. Вере же было около сорока, и он так и не угостил ее кофе. Забыл. Ему было не до этого.

В полночь он пришел к выводу, что попросту изнасиловал незнакомую ему женщину и что теперь его осудят. Он, адвокат со стажем, представил себе всю процедуру, предшествующую судебному заседанию. Он даже успел увидеть себя за белой больничной ширмой, подвергающегося унижительным манипуляциям, связанным с взятием анализов у него как насильника. Картина показалась ему столь омерзительной, что он весь в поту вскочил с постели, включил свет и обхватил лицо ладонями. Ему стало страшно. Он сам вел несколько случаев, когда молодые девицы с целью заработать несколько тысяч рублей провоцировали парней, чтобы потом обвинить их в изнасиловании. Как правило, родители «насильников» не допускали, чтобы дело дошло до суда, и откупались от мошенниц. Но как поступит Вера? И не проще ли ему самому разыскать ее и дать денег? И потом взять расписку?

Ему было стыдно своих мыслей. Он посмотрел на дверь как раз в тот момент, когда в другой части города бросила не менее мечтательный взгляд, и тоже на дверь, но уже ванной комнаты, женщина... Вера. Александр закрыл глаза и представил себе, что вот сейчас откроется дверь в комнату, и он увидит женщину, которую желает.

Но дверь не открылась, а ему пришлось принять холодный

душ. Чтобы успокоиться и остудить мозги. И не только.

В два часа ночи он достал из холодильника сардины, масло, порезал хлеб и с аппетитом поужинал. Или позавтракал. Выпил горячего чаю и лег спать.

Но в четыре часа утра раздался звонок в дверь. Александр, чертыхаясь, пошел открывать. Он спросонья никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Когда же ему это удалось и дверь открылась, ему на голову обрушился удар...

Глава 3

«Последнее танго» с Верой Боровской

Эта ночь промелькнула как одно мгновение – Вера отлично выпалась, несмотря на голоса, раздающиеся за стеной, звон посуды на кухне и завывание ветра за окном. Дождь бросался тяжелыми злыми каплями на стекло, словно просясь в комнату, но Вера даже не пошелохнулась. Она медленно приходила в себя после целительного сна и, не открывая глаз, думала о том, как же она теперь будет жить дальше. Работы не было. Денег – тоже. Те крохи, что давал ей ее муж, позволяли ей разве что не умереть от голода. Значит, надо было что-то делать, как-то действовать, чтобы выжить. И вчерашний день, проведенный в обществе психотерапевта Нагаева, сильно помог ей в этом. Она вдруг поняла, что эта роковая встреча должна сыграть в ее жизни определенную, облегчающую ее жизнь, роль. То, что Нагаев забыл, зачем пришел в парк, понятно. Никакого сеанса психотерапии не было. Было лишь одно его желание, передавшееся и ей, Вере. Но так ли это плохо? И зачем ей теперь врач, когда она и так поняла самое главное. Доктор Нагаев захотел ее как женщину, а разве этого мало? Разве это не придало ей сил? Значит, он сумел разглядеть в ней нечто такое, что перестал видеть

Илья. Кроме того, его не отвратило ее тело, которое так предательски расплнело, что Вера последнее время предпочитала не видеть себя в зеркале. Еще Вера поняла, что, когда человек, причем сильный человек, чего-то очень хочет, то он непременно этого добьется. Здесь ее мысли резко перешли к проблеме выживания, и она наконец поняла, как ей следует действовать прямо сейчас, немедленно: ей надо найти человека, который очень чего-то хочет, а она, Вера, за определенную плату должна ему это предоставить. Она и понятия не имела, что именно ей придется делать, но внутренне, психологически была готова свернуть гору, чтобы только раздобыть деньги.

Она все же открыла глаза и взглянула в окно. Там, за ветками качающихся от порывов ветра деревьев, она увидела клочок серого, пасмурного неба. *«Где-то там, – подумала она, – за тучами, за мной наблюдает создатель, и он не может допустить моей смерти. Я еще слишком молода. У меня еще достаточно сил. Но как я узнаю, что мне делать? Знаки? Я должна обращать внимания на знаки? Хорошо, я буду внимательнее».*

Вера поднялась с постели, заправила ее и, накинув халат, вышла из комнаты. В передней, на пути к ванной, она столкнулась с Мариной. Ее соперница проснулась намного раньше ее – она была уже тщательно накрашена и одета. Кроме того, эта девица благоухала, как чайная роза.

– Доброе утро, – промурлыкала Марина и скользнула к

себе, откуда тотчас раздался голос Ильи. Но Вера, не желая ничего слышать, зашла в ванную и пустила воду.

Вот тебе первый знак, Вера. Взгляни на себя в зеркало. Тебе не кажется, что пора бы тоже привести себя в порядок? Уложи волосы, подкрась ресницы и губы. Не все мужчины так импульсивны и всеядны, как доктор Нагаев. Может, он просто изголодался по женщинам. Его жена могла уехать куда-нибудь, а ему приспичило. А ты вот уже несколько часов только и думаешь о нем. Забудь. Подумай лучше о себе.

Она позавтракала хлебом с медом и, дождавшись, когда Илья со своей Мариной уйдут, позвонила Августе, чтобы поблагодарить ее за доктора Нагаева. Она еще не знала, о чем расскажет ей, но ей было важно почему-то услышать ее исполненный заботы голос. Но Августы дома не было. *Это тоже знак? Возможно.*

Вот ты и разговариваешь сама с собой, как твоя больная мать. Хотя что же в этом плохого? Так я хотя бы не чувствую свое одиночество.

Она вытерла чашку и поставила на полку. И в это самое время раздался телефонный звонок. Вера вздрогнула, представив себе, что это звонит Августа. Сейчас она спросит, как прошла встреча с доктором... Вот теперь Вере стало не по себе. Она поняла, что не готова к разговору. Вся ее храбрость и авантюризм исчезли, уступив место прежним страхам и комплексам. Но она все же заставила себя взять трубку. И тут же услышала взволнованный женский голос:

– Нас прервали. Что-то на линии. Но ты уже поняла, да? Квартира ушла. Вместе с высокими потолками и комнатой для прислуги. Это была шикарная генеральская квартира. Я понимаю, она старая, и сейчас строят новые дома с большими комнатами, но это все не то, ты знаешь. Но стоит только одному из старых строений обозначиться на рынке недвижимости, как меня опережают толпы желающих. Просто я невезучая. Алка, ты меня слышишь?

– Да... – просипела, очнувшись, Вера. – Слышу.

Так случилось, что голос ее на самом деле сел, пропал. Поэтому, спустя паузу, она услышала вновь:

– Представляешь, вчера познакомилась с одним мужиком. Красивый как черт, но какой-то недоверчивый. Пригласил меня в ресторан. Дешевка. Весь вечер этот идиот задавал мне какие-то странные вопросы, совсем не улыбался, как больной... Ты чего молчишь? Мне кажется, я говорю в пустоту...

– Горло, – выдавила из себя Вера.

– Хлещешь ледяную водку, чего же ты хотела? Шучу. Так вот, зовут его Андрей. Знаешь, я так и не поняла, чем он занимается, но мне почему-то показалось, что он фээсбэшник. Слишком много вопросов задавал. А когда я сказала, что мой папа Чарли Чаплин, – не поверил. Тогда я сказала ему, что меня зовут Анна Каренина... Знаешь, не могу больше трепаться, опаздываю... Меня ждет мой енот. Пока. Целую. Звони.

Вера еще какое-то время смотрела на трубку, еще не веря

своему счастью. Затем быстро схватила карандаш и записала высветившиеся на электронном табло телефона с определителем номера шесть цифр. «...мой папа Чарли Чаплин», «...Анна Каренина». Вера, чтобы проверить свою догадку, набрала номер справочной:

– Девушка, я ищу свою подругу, Анну Чаплину. Ей дали новую квартиру, она переехала...

Но девушка из справочной, не дослушав ее, быстро произнесла номер телефона, совпадающий с тем, который только что записала Вера.

Не может быть. Вот так быстро? Не может быть...

Получалось, что некая Аня Чаплина хочет купить большую квартиру в старом доме. Человек с такими запросами должен быть очень богат. Значит, если Вера найдет ей такую квартиру, то эта самая Аня Чаплина заплатит ей за посреднические услуги. Но где взять эту квартиру, во-первых. А во-вторых, как обезопасить себя и заставить Аню раскошелиться? Какой договор с ней заключить? *«Да никакой, – оборвала она себя. – Что бы мы ни составили, в ее глазах потом все это будет выглядеть филькиной грамотой. Что же теперь делать? Заранее ведь никто не даст денег. Разве что выкупить квартиру, предварительно заинтересовав Чаплину, а потом перепродать ей? Но где взять денег? Разве что украсть».*

Вера посмотрела на часы. Прошло всего четверть часа, а как много мыслей успело прийти и уйти за это короткое вре-

мя. *«Меня ждет мой енот»*, – вдруг вспомнилось ей. *Зайка, рыбка, птичка, а теперь еще и енот?* Как только не называют друг друга любовники.

Что же будет со мной? И кто ждет меня? Какой енот, скунс?

Она вернулась к себе в комнату, оделась и вышла из квартиры, прихватив зонт.

Она шла по улице, подставляя свое разгоряченное лицо ветру и дождю. Ей почему-то не было холодно. Но она нервничала. Зубы ее стучали, как если бы ей предстояло сейчас идти к стоматологу удалять зуб. На самом же деле она медленно, но верно приближалась к городскому парку. Ей хотелось еще раз увидеть ту скамью, где вчера ее ждал доктор Нагаев.

Он татарин. Все всякого сомнения. И имя, и отчество, и фамилия. Все на это указывает. Но у него европейское лицо, тонкое, красивое. Волосы темные, с проседью. Интересно, сколько ему лет? И как часто он своих пациенток укладывает в постель?

Она остановилась рядом со скамьей и оглянулась. В парке не было ни души. Сгибались от ветра кусты. Хлестала сама себя (как законченная мазохистка!) мокрыми зелеными ветвями старая горбатая ива. Вера любила ивы. Ей нравилось звучание этого слова, как нравились и тонкие длинные ветви, стремящиеся почему-то к земле, да так упорно, словно земля им что-то пообещала, и листья.

– Вера, хотите кофе?

Она оглянулась и даже вскрикнула. Она не могла поверить. Перед ней стоял доктор Нагаев. С полей его черной шляпы стекала вода. Он властно схватил ее за локоть и куда-то повел. Как и в прошлый раз. Через пару минут Вера оказалась в машине. Вот теперь ей стало совсем холодно. Она даже боялась увидеть себя в зеркальце, нависшее сверху, потому что была уверена, что ее лицо сейчас от холода стало голубоватым, а губы и вовсе лиловыми.

– Я знал, что вы придете, – Нагаев, повернувшись к ней, взял ее лицо своими большими теплыми ладонями и привлек к себе. Поцеловал в губы. – Но вы так можете заболеть.

– Знаете, – вдруг сказала Вера, – я вспомнила фильм. Французский. Называется «Последнее танго в Париже».

– Бертолуччи. Знаю. Но мы не станем никого убивать. Кроме того, я же знаю ваше имя. Я бы хотел знать о вас больше...

– Нет, только не это. Я уже жалею, что рассказала вам часть из своей жизни.

– Вы ничего не рассказали. Я ничего о вас не знаю.

– И не надо. Мне холодно... я боюсь простыть. Я очень тяжело переношу грипп.

– А вы и не простынете.

И доктор Нагаев снова привез ее к себе. На этот раз он наполнил ванну горячей водой и предложил ей согреться. Она знала, что он погрузится в зеленоватую, горячую воду вме-

сте с ней. Знала и хотела этого. Она чувствовала его руки на своих плечах, его губы на своих губах и очень быстро согрелась. У него было белое тело. Сильное и худощавое. *Нет, он не татарин.*

Доктор Нагаев завернул ее в полотенце и отнес на кровать. Принес в постель поднос с коньяком и лимоном. Вера, млея от тепла под красным душистым покрывалом, отдалась Нагаеву после первого же глотка коньяка. С каждым ударом, сотрясавшим ее лоно, она выбрасывала из своей головы по очереди сначала мужа, затем Марину, потом все свои страхи, а их было много, как много было и ударов. Боль смешивалась с наслаждением, и Вера боялась только одного – что она умрет, так и не осознав того, что же с ней произошло. Она все еще не верила, что это реальность, что на ее бедрах остались реальные розовые пятна от прикосновения к ним сильных мужских рук. Она лежала на кровати, раскинув руки и ноги, и смотрела в потолок, по которому блуждали тени бешено содрогающихся от ветра деревьев. Нагаев положил ей между ног ледяной апельсин. И она пришла в себя. Сомкнула бедра и отвернулась к окну. Она не могла смотреть на мужчину, который так долго любил ее. Ей показалось, что наступил вечер. Пора было возвращаться в дождь, в свою жизнь. Воспользовавшись тем, что ее любовник зашел в ванную комнату, Вера вскочила с постели, быстро оделась и, не помня себя от стыда и счастья, выбежала на лестничную клетку. Спустилась вниз и побежала, застегиваясь (как

и в прошлый раз!) на ходу и наступая в глубокие холодные лужи...

Уже дома, переодевшись во все сухое и забравшись под свое одеяло, она пожалела, что не спросила Нагаева, кто его ранил. Рана на его виске была достаточно глубокой, словно его ударили чем-то тяжелым и острым.

Из дневника ***

«Никак не могу привыкнуть к мысли, что ее уже нет. Встаю, завариваю чай или готовлю кофе, разливаю по двум чашкам. Зову ее, но в доме тихо. Как в гробу. Ее так и не нашли. Из воды удалось выловить лишь ее смешные, почти детские солнцезащитные очки в желтой пластмассовой оправе да зеленую ленту, похожую на водоросли. Эта лента с ее шляпы, которая осталась в лодке. Она зацепилась за ивовые заросли. Я так и не поняла, как эта лента могла оказаться на крохотном соседнем островке, если он находится вверх по течению. Вот если бы ленту отнесло и прибило к ивовым зарослям чуть ниже, там еще два островка, на которых живут утки и цапли, это было бы понятно.

Иногда я спрашиваю себя: о чем же таком они говорили тогда в лодке, глубокой ночью, когда ее муж повез кататься по реке, чтобы этот разговор закончился скандалом, криком, как он мне потом рассказывал, и чуть ли не дракой? Ведь моя сестра никогда не повышала голоса. Она была мягким и улыбочивым существом, и если что-то и делала громко, так это смеялась. И я любила ее за это. Да ее все любили! Ее невозможно было не полюбить. Она не знала, что красива, и воспринимала данную ей природой внешность как данность, как воздух, которым она дышала, и никогда не

стремилась извлечь из красоты выгоду. Она могла бы выйти замуж много удачнее, но никогда даже не задумывалась над этим. Мужчина, которого она привела к нам в дом, ничего не умел. Ни колоть дрова, ни ремонтировать крышу. Наш старый дом разваливался, но его это нисколько не касалось. А ведь он поселился с нами, он жил с нами, он спал с моей младшей сестрой, сидел с нами за столом и ел приготовленную мною пищу. Моя сестра не умела готовить. Она могла положить в суп вместе с капустой маргаритки и одуванчики. Ей нравилось все красивое. Быть может, поэтому она и вышла замуж за этого человека?

После ее смерти я случайно узнала, что этот мужчина изменял ей. В нашем маленьком городке трудно что-то скрыть. Особенно если мужчина платит за комнату для свиданий. Хозяйка этого дома рассказала все после смерти моей сестры. Она была у меня. Пришла с самогонкой и миской, в которой томилась жаренные в сметане караси. Плакала, просила прощения. Я сначала ничего не могла понять. Но потом сквозь хлюпанье разобрала, что эта женщина сдавала моему шуруину комнату для свиданий с другой женщиной. Та была постарше моей младшей сестры. Я видела ее. Сердце мое обливалось кровью. И тогда я поняла, о чем моя сестра говорила со своим мужем в лодке ночью. Думаю, он признался ей в том, что любил другую. И тогда с моей сестрой, видимо, что-то произошло. Возможно, она кричала, она кричала, как раненая птица, она стонала

от боли, которую он нанес ей своими откровениями. А ночь всегда вызывает в человеке желание пооткровенничать. И кажется, что в глухой и свежей ночной тишине, напоенной ароматами трав и речной воды, все, что будет произнесено вслух, станет святым, чистым и что в эту минуту все друг другу все простят. Но он ошибся, мой шурин. Как он мне рассказывал, сидя за столом в моем доме и дрожащими руками стараясь раскурить сигарету, моя сестра чего-то испугалась, закричала, стала махать руками и показывать в сторону того самого острова, где потом нашли зеленую ленту. „Там кто-то есть, я вижу... Мне страшно... не отдавай меня туда, мне плохо... Господи, как же мне плохо...“ Он сказал, что ему показалось, будто бы моя сестра там, той глухой ночью на реке, сошла с ума. Неожиданно. Возможно, она испугалась шорохов на соседнем острове. Мой зять сказал ей, что это птицы. Цапли или дикие утки. Но она так кричала, так разволновалась, что вскочила и опрокинула лодку. Он видел, что она сразу же ушла под воду. Потом ему показалось, что она плывет в сторону того острова. Он тоже был в воде. По самое горло. Лодка была перевернута, но ему удалось подцепить ее рукой и толкнуть к берегу. Ведь они были как раз посередине между берегом пустынного пляжа и тем самым островом, где потом нашли зеленую ленту. Моя сестра хорошо плавала и не могла утонуть. Кроме того, она не могла сойти с ума. Она была здоровой и умной. Я никогда не замечала за ней никаких стран-

ностей. Но мой шурин сказал мне, что она сошла с ума. Что закричала, перевернула лодку и утонула. А он остался жить. И все первые дни после смерти моей сестры он находил утешение в объятиях другой женщины, которую я ненавижу».

Глава 4

Гроза

Александр приехал в свое адвокатское бюро «Алиби» затемно. Он опоздал всего лишь на три минуты. Клиент, он же его хороший знакомый Валерий Писаревич, уже ждал его в кабинете, листая какой-то журнал.

– Ну наконец-то! – Писаревич поднялся со своего места, чтобы пожать адвокату руку. – А я уж тут часа два, представляешь?

Александр едва сдержался, чтобы не съязвить по этому поводу: Валерию, как видно, не терпелось как можно скорее уладить все свои мошеннические делишки, чтобы, бросив жену с ребенком, отхватить при этом еще и жирный куш в виде сильно возросших в цене акций Газпрома. Александр представил себе, как довольно он потирает руки, говоря об успешно провернутом дельце своей молоденькой любовнице, после чего с решительностью собственника овладевает ею. Эта картинка показалась ему пошлой, хотя всего час тому назад он лежал в постели с малознакомой женщиной и, в отличие от Валерия, не строил относительно нее вообще никаких планов. И если разобраться уж до конца, то мало человеческого, возвышенного наблюдалось у обоих любовников в момент близости. Они практически ничего не ска-

зали друг другу, разве что обменивались взглядами, поцелуями, прикосновениями. *Пусть я животное, но я люблю эту женщину. И мне все равно, кто она, сколько ей лет, кто ее муж и есть ли у нее любовники. Я хочу ее даже сейчас.*

Он ужаснулся своим мыслям, замотал головой, после чего, переведя дыхание, пригладил на голове волосы.

– Старик, по-моему, у тебя температура, – обеспокоенно заметил Валерий.

– Да нет... что-то не так?

– Лицо порозовело. Может, давление?

– Нет. Со мной все в порядке.

Александр оглянулся. Он не хотел, чтобы в момент, когда он будет обсуждать с клиентом свой гонорар, кто-то посторонний находился поблизости. Но бюро в столь поздний час (*Боже, я провел с ней в постели часа три!*) было почти пустым. В коридоре он заметил Калерию Дмитриевну – адвоката-ветерана. Этой женщине было семьдесят пять лет. Она имела обширную клиентуру, хорошо зарабатывала, но честно сдавала все свои гонорары в кассу, а по вечерам оставалась, чтобы еще мыть полы в бюро и убирать со столов остатки адвокатских попоек. Ее никто не понимал. Ведь она могла сдать в кассу минимум – тысячу рублей, как все, а на остальные деньги содержать две семьи. Но Калерия Дмитриевна придерживалась «сталинских» принципов, за что и уважала себя.

– Валера, я понимаю, что ты пришел ко мне, потому что

я твой друг...

Он вдруг поймал себя на том, что слово «друг» далось ему с трудом. Писаревич не был другом Александру в истинном значении этого слова. Но именно сейчас и Валерий бы с удовольствием назвал его другом, поскольку благодаря этой «дружбе» в вопросе выплаты гонорара можно будет ограничиться бутылкой коньяку или тышчонкой-другой рублей. А ведь акции Газпрома, когда он их продаст, чтобы купить шубку или бриллианты своей любовнице, потянут на несколько тысяч долларов.

– Конечно! – Писаревич не дал ему договорить. Александру показалось, что он сейчас вскочит и набросится на него, чтобы сжать его в своих крепких дружеских объятиях. – А к кому же еще я мог бы обратиться с такой... просьбой. Ты же понимаешь, что такое женщины! Ты тоже был когда-то влюблен.

– Валера, я адвокат и зарабатываю себе на хлеб мозгами. Твое дело довольно сложное...

– Ну вот, – всплеснул руками Писаревич. – Начинается. И ты будешь набивать себе цену. Послушай, я устал от этого от чужих. Но ты-то свой!

– Пятьсот долларов сейчас и столько же после того, как дело выиграем. Или же сразу восемьсот, и я приступаю к работе.

– Сколько? – Глаза Валерия, казалось, готовы были вылезти из орбит. – Да ты с ума сошел! Ты где находишься, в

Москве или в Саратове? Где это ты слышал, чтобы местные адвокаты просили столько за час работы?

– И еще пятьсот долларов вот за это, – невозмутимо продолжил Александр, отводя прядь волос со лба, чтобы продемонстрировать запекшуюся кровь, под которой болела и саднила глубокая рана.

– Не понял. А это еще что?

– Твоя жена была у меня ночью. Вернее, почти утром. Я не успел дверь открыть, как она ударила меня утюгом.

– Чем?

– Я же говорю: утюгом. Ты что, не слышишь меня? У тебя что-то со слухом?

– Нет, ты видишь, с какой стервой я живу?.. Да она же могла тебя убить!

– Эти акции – единственное, на что она может рассчитывать в трудное для нее время. Она же не работает. Кроме того, ты оставляешь ее с Катькой, которую надо кормить, одевать и обувать. Я уверен, что ты сделаешь все возможное, чтобы не платить алиментов. И что же ей в этом случае остается делать?

– Но при чем здесь ты?

– Она достаточно хорошо изучила тебя, чтобы вычислить, к какому, более выгодному для тебя, адвокату ты обратишься. Поэтому-то Катя и пришла ко мне и саданула меня по голове. Она была в состоянии аффекта, понимаешь? Ей было все равно в конечном счете, на чью голову опустить этот

утюг. Но если бы только это... Она стала кричать, обзывать меня, а потом – я даже не успел ничего сделать! – ударила и себя по голове. Затем еще раз...

Писаревич слушал его, не веря своим ушам.

– Ты что, издеваешься надо мной?

– Ничуть. Ты вчера дома ночевал?

– Да. Ночевал. У меня и свидетели есть. Но при чем здесь это?

– Вот и она так считает, что у нее свидетели есть. Ты был дома и избил ее. Ты бил ее утюгом по голове в то время, как ваша дочь спала. Во всяком случае, это ее версия. Сразу же после этого она, как мне кажется, поехала в больницу, где ей наверняка поставили, я в этом более чем уверен, несколько диагнозов: тяжкие телесные повреждения, сотрясение мозга... Она настаивает на том, чтобы по факту избиения было возбуждено уголовное дело...

– Значит, она нарочно разбила свою голову, чтобы свалить все на меня?

– Ты спал с ней вчера? – перебил его Александр.

– А это тебе зачем?.. Ну, спал. Вернее, зажал ее между шкафом и стенкой... Она же мне еще пока жена...

– Плюс изнасилование. Она все рассчитала. И теперь тебя ищут.

Он все сказал. И все это было чистой правдой, но Александр видел, что Валера ему не верит. Пауза, во время которой Писаревич пытался осмыслить услышанное, затянулась.

– Ты все это придумал, чтобы я вернул ей акции? Ты что же это – на ее стороне?

– Я ни на чьей стороне. Тем более не на ее, потому что она пробила мне голову. Просто у нее больше не было выхода, понимаешь? Она перепробовала все, чтобы вернуть тебя. А ты оказался подлецом. Вот она и решила тебя проучить. Тебя посадят, Валера. Поэтому ты не скупись и заплати мне авансом хотя бы тысячу баксов, чтобы я защищал тебя уже как насильника. Это серьезно, поверь...

– Ну ты и скотина! – И Писаревич вышел, громко хлопнув дверью. Он так ничему и не поверил. Но, главное, он не ожидал, что «Сашка» – его «друг-адвокат» – потребует с него такие деньги.

Он ушел, но Александр не спешил уходить. Он знал, что часа через два Валерий начнет его разыскивать и непременно вернется. Если, конечно, его не задержат раньше...

Не жизнь, а клоака. Все друг друга ненавидят, а головы почему-то разбивают ни в чем не повинным адвокатам.

Он подошел к окну, распахнул его, впуская в душный кабинет свежий, пахнувший электричеством, воздух, капли дождя и ветер. Рана на виске болела, в горле першило. Он подумал, что у него температура, и решил вскипятить воду для кофе. И в эту минуту в коридоре раздались тяжелые шаги. Он узнал эту походку. Она принадлежала адвокату Собакину. Захар Собакин весил полтораста килограммов, много

ел, столько же пил, много спал, что не мешало ему оставаться относительно здоровым и, главное, с блеском выигрывать свои многочисленные дела. В адвокатском бюро «Алиби» за ним закрепилась кличка Везун. Ему везло во всем и всегда. Он мог уснуть, к примеру, в тот момент, когда клиент выкладывал ему суть своего обращения, но проснуться как нельзя вовремя, чтобы задать интересующие его вопросы. Он мог, выпив бутылку хорошего армянского коньяку, катить на своем «мерсе» домой, виляя по улице, но его почему-то никто не останавливал. Работники Госавтоинспекции, казалось, не замечали его, а если и останавливали, то обходились с ним, как с заговоренным: в их глазах он был неуязвим. Единственное поле, на котором он подчас терпел поражение, были суды. Точнее, судьи. Правда, Собакин редко проигрывал свои дела и считался в городе одним из самых грамотных и талантливых адвокатов. Но сейчас, судя по тяжелой походке, он был не в лучшей форме. Дверь распахнулась, и Захар почти ввалился в кабинет, где был Александр.

– Привет, – буркнул Собакин низким, жирным басом. – Дышишь свежим воздухом? Правильно. Дыши, пока дышится.

– Что-нибудь случилось, Захар?

– Моего друга убили, – вдруг сказал Собакин, грузно опустился на стул и неожиданно всхлипнул, обмякнув всем телом.

– Я... я его знаю?

– Такой парень! Какая-то сволочь застрелила... Говорят, сумасшедшая, одна из его пациенток... Вот и делай после этого людям добро.

Собакин рывком расстегнул легкое темное пальто и достал из внутреннего кармана фляжку. Глотнул оттуда.

– Он меня спас в свое время. Если б не он, не знаю, дожил бы я до сегодняшнего дня или нет... Светлая душа... Да ты слышал, наверное, о нем. Ренат Нагаев. Известный в городе психотерапевт.

В это время вторая створка окна со звоном распахнулась, и порыв ветра вместе с осколками стекла рассыпал по столам бумаги. Сверкнула молния, прогремел гром, и Александру показалось, что его голова сейчас тоже разобьется на множество мелких и звонких осколков.

Глава 5

Поздний визит

В десять часов вечера к ней постучался Илья. Он пришел за луковицей. Вера с того момента, как Илья привел в дом Марину, перенесла из лоджии в свою комнату маленький холодильник, где и хранила свои продукты. Туда же по нечаянности попал и пакет с луком. Вера достала луковицу и молча протянула бывшему мужу. Она была уверена, что он обращается к ней со столь унижительной для него просьбой не потому, что они не успели купить лука, а потому, что у них нет денег даже на луковицу. Мстительно подумалось: она его бросит, уже очень скоро.

– Вера, ты в порядке?

Она подняла голову, и они встретились взглядами. Илья смотрелся жалко в своем коротковатом банном халате и оранжевых шлепанцах. В глазах его читалась тоска.

– Я-то в порядке, а вот ты?

– Марина беременна, представляешь? – наконец произнес он то, ради чего скорее всего и зашел.

– Поздравляю.

И Вера, не ожидая от себя такого, с силой вытолкала Илью из комнаты. Ей вдруг стало противно при мысли, что когда-то она была влюблена в этого человека. Противно и мерз-

ко.

Закрыв за ним дверь, она решила все-таки позвонить Августе. Но и на этот раз трубку никто не взял. Зато в половине одиннадцатого раздался звонок в дверь. Вера напряглась, представляя себе, что ее решил осчастливить своим визитом доктор Нагаев. Но эта полумечта-полуфантазия промелькнула, как яркая тропическая бабочка, и улетела в глубины подсознания. На самом деле это пришла Августа. Вера слышала, как церемонно ее приветствовал Илья и как бляела, здороваясь с гостьей, беременная Марина. Затем послышались быстрые упругие шаги, и в дверь постучали.

– Привет, – Вера впустила Августу в комнату и заперла за ней дверь. – Проходи. Чай будешь?

И только сейчас, когда Августа повернула свое лицо к свету, Вера увидела глубоко запавшие глаза подруги, мертвенный цвет кожи, белые губы.

– Господи, да что это с тобой?

– У меня печальные новости, Вера. – И Августа, упав к Вере на грудь, разрыдалась.

– Да что случилось? Говори толком! Не трави душу! Ты заболела?

– Нет, дело не во мне. Но прежде, чем я скажу тебе, что произошло, ты должна будешь ответить мне на некоторые вопросы.

Слезы на глазах Августы мгновенно высохли, и вся она словно подобралась, подтянулась и, выпрямив спину, села на

стул.

– Скажи мне, пожалуйста, Вера, ты встречалась с доктором Нагаевым?

Вера почувствовала, как щеки ее запылали, а глаза защипало, словно в них бросили горсть соли. Она растерянно смотрела на Августу, не зная, что ей ответить. Признаться в том, что они с Нагаевым провели время у него на квартире, занимаясь бог знает чем, она бы не осмелилась. Ведь она практически ничего не знает об этом человеке. А что, если он женат и у него куча детей? Она даже не уверена в том, что и сама квартира-то принадлежит ему, а не какому-то приятелю или родственнику. Мужчины часто выручают друг друга, предоставляя друзьям пустующие хотя бы несколько часов квартиры для таких вот сомнительного толка свиданий. Но и обмануть Августу, сказав, что она не виделась с доктором, Вера тоже не могла. Однако ей удалось скрыть свое замешательство, и она как ни в чем не бывало ответила:

– Конечно.

– Ты пришла вовремя, как мы с тобой и договаривались? В три?

– Да. А почему ты об этом спрашиваешь? Он что-нибудь рассказал тебе об этом?

– Сначала все-таки ты ответь на мои вопросы, а потом уж я... Значит, ты пришла в парк в три часа и встретилась в условленном месте с Ренатом.

– Да.

– Вы беседовали?

– Да.

– Ты что-нибудь рассказала ему о себе?

– Да. Хотя, признаюсь, мне было нелегко. Ведь я его совсем не знала, и мне было неприятно рассказывать ему о том, что произошло в моей семье. Больше того, скажу я тебе, я испытала чувство стыда...

– Все это понятно, – отмахнулась от нее Августа, словно эта информация ее нисколько не интересовала.

– Тогда что ты хочешь от меня услышать?

– Как долго вы беседовали? Вы постоянно были там? В парке?

– Да... Был отличный солнечный день, и нам никто не мешал разговаривать. Доктор Нагаев дал мне несколько советов и сказал, что позвонит мне, чтобы назначить следующую встречу.

Августа медленно повернула к ней свое лицо и внимательно посмотрела ей в глаза.

– Вера, мне надо сказать тебе что-то очень важное... Но у меня есть еще один вопрос к тебе...

Вера почувствовала, как у нее начинает болеть живот. От страха, от стыда, от невыносимости разговора. Мысль о том, что Августа что-то узнала о том, что произошло между Верой и Нагаевым, привела ее в ужас. Но она не могла узнать об этом ни от кого. Их никто не видел. В квартире они были совершенно одни. Не мог же сам Ренат поделиться своими

впечатлениями об интимном свидании со своей новой пациенткой Августе. Да и зачем ему это понадобилось бы? Вера была совершенно сбита с толку.

– Что ты хочешь от меня услышать, Августа?

– Ответь мне, ты была знакома с доктором Нагаевым до этого?

– До чего до этого? – Ей стало уж и вовсе невмоготу. – Августа!

– До этой вашей встречи... – каким-то загадочным голосом проговорила Августа.

– Нет! Конечно же, нет, а в чем дело?

– Вера, когда вы с ним расстались?

– Не знаю точно... Часа в четыре, может... Хотя не думаю, чтобы мы проговорили с ним даже час. Меньше. Я постоянно чувствовала себя неловко, мне было неудобно разговаривать с ним о своих проблемах...

– А он куда тебя не приглашал?

– В смысле?

– Ну, там... на чашку кофе, к примеру?

Вера была совершенно сбита с толку. Но что-то подсказывало ей, что раз уж она выбрала свою версию встречи с Нагаевым, то будет глупо теперь отказываться от нее и признаваться в том, что доктор не только угостил ее кофе, но и привел к себе (или не к себе) домой...

– Значит, вы с ним встретились, поговорили меньше часа и расстались?

– Да...

– Договорились встретиться еще?

– Да... Августа, ты что, пытаешь меня? Поверь, мне несколько не доставляет удовольствия этот разговор. Ты же видишь, в каком я состоянии... Достаточно того, что со своими проблемами я уже поделилась с незнакомым мне человеком, с этим доктором... Да, он настоящий профессионал, – она залилась краской, – я уже говорила тебе, что он дал мне несколько хороших советов, и теперь я работаю над собой... *(Маникюр вот сделала, привела себя в порядок).*

– И больше вы с ним не встречались?

– Августа! В чем дело?

– Сначала ответь...

– Ну, встретила... зачем тебе это знать?

– Когда?

– Вчера...

– И где? Там же, в парке? – И не дав ей опомниться, Августа вдруг схватила ее за руку и сжала до боли: – Зачем ты лжешь, Вера?

– Я не лгу... Августа, ты пьяна, отпусти меня, что ты делаешь?

– Ты лжешь... Ты вообще-то встречалась с ним, или у тебя не хватило духу?

– У меня всего хватило... – Ей стало жарко. – Мы встречались с ним в парке, беседовали... Но я не намерена тебе ничего рассказывать...

– Он никак не мог вчера прийти в парк, Вера, – проговорила она, – понимаешь? И с тобой тоже не мог встретиться, не говоря уже о том, чтобы давать тебе советы...

Сейчас она скажет мне, что я – конченный человек, распутная баба, что я сумасшедшая...

– Августа, пожалуйста... Мне неприятен этот разговор... Уходи, прошу тебя...

Но Августа все так же, не мигая, продолжала смотреть Вере в глаза, а потом, словно очнувшись, шумно вздохнула и покачала головой, как если бы она разговаривала с обреченным, с расстроенной психикой, человеком. Вера почувствовала это и впала в оцепенение. Она представления не имела, что произойдет в следующую минуту. Как поведет себя Августа и, главное, что скажет.

– Дело в том, что Нагаева убили.

– Убили? Но кто? Когда?

– 12 апреля, как раз после вашей первой встречи. – Она довольно грубо усмехнулась и даже рассмеялась низким, гортанным смешком. – Часов в шесть... или раньше...

Вера сразу же представила себе, как в доктора Нагаева целится кто-то, одетый в черное. Затем фантазия нарисовала ей гроб, заваленный венками. И вдруг все поплыло перед глазами. *Но если Нагаева убили, значит, не он приходил вчера в парк. И позавчера тоже. Нет. Не так. Если не Нагаев, тогда кто же сидел на скамейке? Просто прохожий? Я переспала с прохожим?*

Вера густо покраснела и слегка истерично улыбнулась своим мыслям. Августа, заметив эту улыбку, зябко передернула плечами:

– Ты какая-то странная, Вера... Ты хотя бы понимаешь, что произошло? Человека убили! И зачем врать, что ты встречаешься с ним каждый день? Мне, что ли, все это надо? Для вас же стараешься-стараешься, а вы только делаете вид, что хотите себе помочь... Хорошо, что ты хотя бы один раз с ним встретишься... Ну да это твое личное дело. Я пришла к тебе, рассказала о постигшем меня горе, а ты даже не предложила мне выпить. Я понимаю, что у тебя и своих хлопот полный рот, но убили человека, понимаешь? Моего друга!

Оставшееся время, проведенное с Августой, Вера запомнила смутно. Она меланхолично жевала один ломтик лимона за другим, глядя рассеянным взглядом, как нервная Августа поглощает квашеную капусту с маринованными огурцами, пьет из маленькой рюмки ледяную водку, и думала о своем. Внутри ее кто-то дико хохотал, издеваясь над ней. Ее чувство к «доктору Нагаеву» приобрело налет ничем не оправданного легкомыслия и превратило их отношения в молчаливое и словно вынужденное соитие. Ей стало страшно за себя, за свое дальнейшее поведение. На что еще ее толкнет одиночество и отчаяние? Оказывается, она себя совершенно не знает, раз способна совершать столь неразумные выходы. Одно дело, когда ты поддалась чувственному порыву с известным в городе доктором-психотерапевтом, и совсем

другое, когда речь идет о случайном прохожем. На Веру тотчас набросилась стая непривлекательных деталей внешнего ряда, на фоне которого и завязывался этот странный роман. Холостяцкая берлога – вот какая на самом деле была квартира этого человека, имени которого она не знает и, судя по всему, никогда не узнает. *Кроме того, почему он так ненасытен в любви? Может, болен?*

Уже провожая Августу, Вера подумала о том, что постарается перестроить себя и выбросить из головы все омрачающие душу мысли. Она поработает над собой, внушит себе, что этих встреч не было, и с завтрашнего дня начнет новую жизнь. Да и зачем ей вообще нужен был какой-то там психотерапевт, если она и сама достаточно сильная, чтобы противостоять хотя бы своим же собственным мрачным мыслям? И с Августой с ее многочисленными знакомыми ей незачем больше встречаться. Вечно лезет не в свои дела, делает вид, что хочет помочь, а на самом деле просто пытается жить чужой, бурной жизнью, потому как собственной нет.

Она буквально заставила себя задать Августе ряд дежурных вопросов, связанных со смертью Нагаева. Она хотела, чтобы ее поступки и поведение выглядели естественными и чтобы умная и внимательная Августа ни о чем не догадалась.

– Ты говоришь, его убили? Но как? Кто? Что-нибудь известно?

Августа резко повернула голову, поражаясь, вероятно, тупости своей подруги, и выкатила на нее глаза, да так, что на

глазных яблоках показалась красная паутина сосудов. Вера даже зажмурилась, не в силах вынести этого зрелища.

– Ты что, Верочка, летишь?

– Лечу.

– Да кто ж знает, кто его убил и за что?! Застрелили, понимаешь? Вероятно, он кому-то крепко насолил... Хороших людей всегда убивают почем зря. Но нам-то с тобой это не грозит, – проговорила она каким-то загадочным тоном и, неожиданно распрощавшись, ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.